

- Nerval** – Nerval G. La Russie. URL: <https://www.poesie-francaise.fr/gerard-de-nerval/poeme-la-russie.php>.
- Norvins 1841** – Norvins J. Histoire de Napoléon. Bruxelles, 1841.
- Regnault 1846** – Regnault É. Histoire de Napoléon : ornée de gravures sur acier dessinées par Raffet et De Rudder. P.: Perrotin, 1846.
- Nettement 1853** – Nettement A. Histoire de la littérature française sous la Restauration: 2 vol. P., 1853. T. 2.
- Price 2004** – Price R. People and Politics in France, 1848–1870. Cambridge, 2004.
- Quaynat 1812** – Quaynat M. Ode à Sa Majesté l'Empereur et Roi sur la prise de Moscou. P., 1812.
- Rocques 1812** – Rocques J. G. Seconde guerre de Pologne. P., 1812.
- Roy 1846** – Roy J. J. Histoire de Napoléon. Lille, 1846.
- Vue de la colonne** – Vue de la colonne de la place Vendôme Prise rue Saint Honore [sic]. URL: <http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/btv1b530062916/f1.zoom.r=Colonne%20Vendôme.langFR>.

УДК 821.161.1-94
DOI 10.26170/2413-872X_2021_24_29
Код ВАК 07.00.02

Е. Е. Приказчикова

ФОРМИРОВАНИЕ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ МИФА О «ДЕДУШКЕ БАЖОВЕ» В УРАЛЬСКОЙ КУЛЬТУРЕ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XX ВЕКА

В статье на материале эго-документов, преимущественно эпистолярных, рассматриваются основные направления формирования и функционирования мифа о «дедушке Бажове» в уральской культуре первой половины XX в. Автором рассматриваются основные варианты культурного мифотворчества, включающие в себя барберический (бородатый) внешний облик писателя, связь его социального статуса с «институтом заводских стариков», различные варианты геронтологических жалоб П. П. Бажова, позволивших писателю отказать от лишней в его возрасте работы, выстроить отношения со столицей, отстоять право работать в любимом жанре сказа. Особое место в статье занимает сотериологический миф о «дедушке Бажове», спасающем от политических репрессий второй половины 1940-х гг. Свердловский отделение Союза Советских Писателей, которым он руководил с 1940 г. до своей смерти.

Ключевые слова: уральская культура; институт заводских стариков; геронтологический аспект; сотериологические мифы; уральская литература; уральские писатели; литературное творчество; литературные жанры; эго-документы; эпистолярный жанр.

Сведения об авторе: Приказчикова Елена Евгеньевна, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русской и зарубежной литературы, Уральский федеральный университет им. первого Президента России

Elena E. Prikazchikova

FORMATION AND FUNCTIONING OF THE MYTH ABOUT “GRANDFATHER BAZHOV” IN THE URAL CULTURE OF THE FIRST HALF OF THE XX CENTURY

The article examines the main directions of the formation and functioning of the myth about “grandfather Bazhov” in the Ural culture of the first half of the XX century, based on the material of ego-documents, mainly epistolary. The author examines the main variants of cultural myth-making, including the barber (bearded) appearance of the writer, the connection of his social status with the “institute of old factory workers”, various variants of the gerontological complaints of P. P. Bazov, which allowed the writer to abandon unnecessary work at his age, to be on good terms with the capital, to defend the right to work in the favorite genre of the tale. A special place in the article is occupied by the soteriological myth about “grandfather Bazhov”, saving from political repression in the second half of the 1940s. Sverdlovsk branch of the Union of the Soviet Writers, which he headed from 1940 till his death.

Keywords: Ural culture; institute of old factory workers; gerontological aspect; soteriological myths; Ural literature; Ural writers; literary creativity; literary genres; ego documents; epistolary genre.

About the author: Elena E. Prikazchikova, Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of the Department of Russian and Foreign Literature, Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin, Ekaterinburg, Russia.

П. П. Бажов – один из первых уральцев, который добился не только всероссийской, но и мировой славы. Его «каменный цветок», Медной горы хозяйка, малахитовая шкатулка стали олицетворениями новой социалистической России и одновременно воплощением уральской горнозаводской мифологии.

Писатель К. Боголюбов в своих воспоминаниях «Наш Бажов», напечатанных в литературно-художественном альманахе «Южный Урал» за 1951 г. № 5, писал так: «...вся жизнь Павла Петровича была связана с Уралом, да и сам он был коренным уральцем. Слава его была славой нашей Родины и в первую очередь нашего Сталинского Урала. Мы говорили “Бажов” и видели перед собою Урал во всем величии его богатырских дел. Как любили его!» [Боголюбов 1951].

При этом Бажов был писателем, слава к которому пришла в достаточно зрелом возрасте. Первые его сказы (1936) увидели свет, когда их автору было 57 лет. Возраст, конечно, не юношеский, но можно вспомнить, что древнегреческий драматург Софокл написал своего «Эдипа царя» в возрасте 70 лет, а трагедию «Эдип в Колоне» в 90 лет, однако никто не воспринимает его в образе дедушки Софокла.

Что касается Бажова, то начиная с 1936 г. вплоть до своей смерти он неизменно воспринимался в статусе «дедушки», в роли человека,

играющего роль «наставника», «патриарха» не только для молодых писателей, но и по отношению к уральской культуре как таковой.

Данный культурный миф начал свое формирование, отталкиваясь от «представительного» внешнего облика Бажова, его знаменитой бороды, которая в эпоху практически безбородых лиц неизменно привлекала к себе внимание и вызывала уважение. «Колдун уральский, бородатый», – как наивно и мудро охарактеризовал его поэт Демьян Бедный. Боголюбов в своих воспоминаниях приводит слова писателя о значении своей фамилии: «Ведь она от слова “бажить”, что значит колдовать. Отсюда слово “набажил” – наговорил, напрозорчил то есть» [Там же]. Сюда же можно отнести его «несуетную» манеру держаться: неторопливо, с чувством собственного достоинства, что неизбежно отмечается в эго-документах эпохи, посвященных Бажову.

Тот же Боголюбов в своих записках вспоминал, как еще зимой 1928 г. в Свердловском областном издательстве Бажова называли «дедом», что воспринималось в качестве «клички»: «“Дедом” прозвали его за бороду – пишет Боголюбов, – которую он, кстати сказать, брил только в 1919 году, когда вел подпольную работу в колчаковском тылу в Сибири» [Там же]. Боголюбов так описал свое первое впечатление от «деда»: «В шубе, в шапке, с широкой окладистой бородой – это был природный русак, настоящий уральский мужик», который сразу же внес в комнату «особую атмосферу простоты и добродушия» [Там же]. Уральская поэтесса Л. Татьяничева, которая училась в одном классе с сыном Бажова Алексеем, в своем «Слове о мастере несравненном» вспоминала, как в 1929 г. (Бажову 50 лет) впервые увидела будущего знаменитого уральского писателя в окне его дома. И он показался ей из-за его «широкой, волнистой» бороды, бороды «диковинной, роскошной», «какой я ни разу ни у кого не видела», «сказочным стариком» [Татьяничева 1978: 133]. Писатель Е. Пермяк, с которым Бажов впоследствии находился в дружеских отношениях, вспоминая об их первой встрече, тоже не мог обойтись без сюжета с бородой. Когда пермская «Живая театрализованная газета», в которой работал Пермяк, переехала в Свердловск, то Пермяку посоветовали познакомиться с Бажовым, дав ему такую характеристику: «Бородатый такой... Как войдешь, не спутаешь. Один с бородой». Пермяк подтверждает: «Бородатых тогда было очень мало, а в советских учреждениях почти не было их. И я сразу увидел нужную мне “бороду” <...> Я познакомился с любезным, мягким, располагающим к себе человеком лет пятидесяти» [Пермяк 1978: 147].

Тем не менее, формирование мифа о «дедушке» Бажове было связано не только с желанием самого писателя, но и с требованиями времени, самой культурной ситуацией на Урале в первой половине XX в.

Образ умудренного годами старика хорошо вписывался в возрастную парадигму советской эпохи, где, как известно, господствовал

принцип «старикам везде у нас почет». Горнозаводские старики первых десятилетий существования Советской власти олицетворяли собой то лучшее, что существовало в народной культуре дореволюционной эпохи, олицетворяли собой горнозаводскую мудрость, нашедшую свое отражение в существовании «института заводских стариков», о котором писал В. В. Блажес [Блажес 1982: 11]. При этом заводские старики совсем не обязательно должны были быть старыми; «стариками» называли людей, проработавших на заводе 25–30 лет и по состоянию здоровья переведенных на более легкую работу кладовщика, сторожа, кордонщика. Бажов призывал относиться к таким людям «с большим уважением» [Бажов 1955: 52]. Не случайно в качестве неизменного рассказчика в его сказах, входящих в состав сборника «Малахитовая шкатулка», выступает «заводской старик» дед Слыш-ко, Василий Алексеевич Хмелинин, который в очерке Бажова «У старого рудника» выступает «бывальцем, “знатоком всех наших песков”, ловким балагуром и “подковырой”» [Бажов 2018: 747].

Если же посмотреть на Бажова с точки зрения мифологической школы аналитического психологизма К. Г. Юнга, то в его образе явно просматривается архетип «мудрого старца», больше знакомый нам сейчас по героям фэнтези-текстов: Альбуса Дамблдорфа в «Гарри Поттере» Д. Роулинг и Гендальфа во «Властелине колец» Дж. Р. Р. Толкина. Данный архетип отчетливо дает себя знать в воспоминаниях о Бажове, издание которых 1978 г. носило символический заголовок: «Мастер, Мудрец, Сказочник». Например, П. Соломеин в воспоминаниях под названием «Мудрый учитель», рассказывая о первой встрече с Бажовым, наделял писателя, бывшего в то время заведующим отделом крестьянских писем в «Крестьянской газете», пронизательным «всеведующим» взглядом «мудрого старца»: «Меня поразил взгляд его больших, открытых глаз. От такого взгляда нельзя отвернуться, а смотря в эти глаза, нельзя солгать. Казалось, что он видит тебя насквозь» [Соломеин 1978: 113]. Заканчиваются воспоминания рассказом о последней встрече с Бажовым 23 июля 1949 г., после которой Соломеин, простившись «со своим учителем и наставником», идет пешком по городу, чтобы «подумать обо всем, что сказал этот мудрый человек» [Там же: 118].

Не в меньшей, а, может быть, и в большей степени миф о «дедушке Бажове», «Бажове-старике» входил в состав авторской мифологии писателя, позволяющей ему в последнее десятилетие своей жизни выстраивать отношения с миром, не кривя душой и не поступаясь своими принципами. Особенно отчетливо данная установка проявляет себя в эпистолярном наследии писателя, академическое издание которого было осуществлено у нас на Урале в 2018 г.

Здоровье Бажова на седьмом десятке его жизни, действительно, оставляло желать лучшего. Он страдал от бронхита курильщиков, но так и не мог бросить курить, часто болел сезонным гриппом, у него

начинали отказывать ноги. Но главной бедой было зрение: все увеличивающаяся возрастная дальнозоркость не позволяла полноценно читать и писать, в результате чего Бажову пришлось осваивать пишущую машинку. При этом нагрузка на него с каждым годом возрастала. Помимо того, что с сентября 1940 г. он находился во главе Свердловского отделения Союза Советских писателей, с 1946 г. – был депутатом Верховного Совета СССР, с 1947 г. – депутатом Свердловского городского совета. Ему приходилось регулярно выезжать на встречи с избирателями, вести с ними переписку, председательствовать на многочисленных конференциях и комиссиях, самому выступать с докладами.

В этих условиях геронтологический миф не просто о «дедушке Бажове», но о «больном» дедушке Бажове позволял писателю дипломатично отказываться от лишних дел, особенно сопряженных с переездами, прикрываясь «стариковскими недомоганиями да перемоганиями» [Бажов 2018: 259]. Так, когда в 1946 г. «коллективы Северного Кавказа» пригласили его приехать на Кавказ и принять участие в изучении края и его фольклора, Бажов в качестве основной причины для отказа называет свой возраст: «Мы тут, на севере, стареем гораздо раньше, и мои 67 лет уже возраст, когда каждый старается закончить дело, каким он занимается. Люди моего возраста едут на Кавказ разве в потоке курортно-лечебном, а это неинтересно» [Там же: 344]. В письме к Е. Пермяку от 10 марта 1944 г. жалобы на каждодневное «раскисание», вызванное 66-м годом жизни, который «оказался больше, чем календарная дата» [Там же: 162], идут сразу же вслед за упоминанием письма от А. А. Шварева, секретаря Челябинского обкома ВКП(б) по агитации и пропаганде, в котором речь идет о писательских «сборах» в Челябинской области в составе агитбригады. Бажов уточняет: «...после недавней поездки в Тагил пришел к выводу – мне уже больше нельзя ездить» [Там же]. Буквально через несколько месяцев, 2 мая 1944 г., в письме к Е. Пермяку Бажов опять повторяет: «возраст стал более требователен к режиму <...> Дряхлеть, видимо, начинаю. Впрочем, оставим этот скулеж и перейдем к более веселому» [Там же: 172]. «Скулеж», о котором Бажов упоминает в письме, оказывается связанным с созывом представителей писательских организаций в Москву. Бажов ставит в известность Пермяка, что выедет только по специальному вызову, «а без вызова не собираюсь» [Там же], добавив размышления о возрасте к общим соображениям «чудаковатого порядка» [Там же]. Таких примеров в бажовских эпистолярных достаточно много. При этом, соглашаясь с мнением Пермяка, что его возрастное «раскисление» по своему факту «беспартийно», то есть недостойно настоящего коммуниста, он, тем не менее, пускается в философские размышления: «Смерть, как и любовь, надо считать не с момента их физического выражения, а гораздо раньше – с их первых признаков

<...> Думаю, что даже люди, сложенные не из сланцевых, как я, пород в этих случаях чувствуют себя не очень свободно» [Там же: 232].

Следующий аспект бажовского авторского мифотворчества был связан с его литературной деятельностью. При чтении писем Бажова создается стойкое впечатление, что часто писатель связывал *исключительно* со своим возрастом свои творческие неудачи, творческий застой, невозможность заниматься любимой литературной тематикой из-за современной политической обстановки. Таким образом, авторский миф о «дедушке Бажове» являлся способом гармонизации отношений писателя с окружающим его миром.

Так, в письме к Е. Пермяку (февраль-март 1945 г.) Бажов рассказывает о полосе своих литературных неудач, связывая это с возрастом и с изменившимся отношением к жизни: «Представляется вещь соблазнительной, а напишешь – ни два ни полтора» [Там же: 230]. Признаваясь, что за последний год написал не больше полутора-двух авторских листов, жалуется: «Разве это темпы, особенно для тех, кому календарь показывает близкий отход. Да и не в количестве дело. Угнетает другое – все кажется каким-то посеревшим, приевшимся. При таком состоянии положительно боюсь приниматься за вещи, где можно столкнуться с образом посложнее, чем это обычно бывает в сказках» [Там же]. Далее речь заходит о сложности работы в русской культурной традиции с материалом, написанным в «озорном роде», теме, непосредственно не связанной с возрастом писателя, работающего в данном «роде», но непосредственно зависящая от национального менталитета. Бажов признается: «...не решился – побоялся детского читателя. Не умеем мы это делать так легко, как французы. Написал же Ромен Роллан, при всей его рафинированности, такую вещь, как “Кола Брюньон” <...> У нас в подобных случаях получается либо очень грубо, либо так смазывается, что и не почувешь» [Там же: 230-231]. В письме к писательнице и переводчику О. Д. Иваненко в январе 1946 г. Бажов объясняет своими «стариковскими недомоганиями» на пороге 68 года невозможность браться за произведения большой формы, например, жанр исторического романа из уральской жизни: «Сам работаю мало и плохо. За год едва выполнил десятую долю намеченного <...> буду, сколько смогу, продолжать по-прежнему свою мелочь. Так, во всяком случае, надежнее» [Там же: 311].

Об этом Бажов много размышлял в своих письмах. Например, в письме к Н. Я. Гущину, директору Свердловгиза в конце 1930-х гг., выпускавшему в свет первое издание «Малахитовой шкатулки», от 14 февраля 1946 г. Бажов говорит о своем желании «ответить другой такой же книжкой, но чувствую, не поднять, да и жанр может показаться опресневевшим. Пытаюсь, поэтому перейти к более простым вещам из той же уральской истории» [Там же: 313].

Когда Бажов называл жанр сказа «опресневевшим» в контексте послевоенной литературе Урала, он имел в виду совершенно определенную историко-политическую ситуацию, которая оказала влияние даже на него, писателя, работающая в жанре, далеко от запросов социалистической современности. Бажов писал свое письмо накануне печально известного Постановления оргбюро ЦК ВКП(б) «О журналах «Звезда» и «Ленинград» от 14 августа 1946 г., опубликованного в «Правде» 21 августа. Требования партии на идеологическом фронте, направленные на поддержку социалистического реализма, коснулись не только М. Зощенко и А. Ахматовой, исключенных из Союза писателей СССР, но и всех советских писателей, включая Бажова, которых можно было упрекнуть в отсутствии в их творчестве актуальных и современных тем.

Поэтому в переписке со своим первым биографом, автором книги «Павел Петрович Бажов» (1947), Л. Скорино Бажов много рассуждал о проблеме мнимой «несовременности» сказов, высказывая опасение за судьбу основного жанра своего творчества. Например, в письме от 10 июля 1946 г. он предсказывает возможное развитие событий на литературном фронте так: «Из боязни ошибиться начнут действовать обычным способом. Сказка? Нет, не нужно. Легенда? Что Вы, батенька, газет разве не читаете? Сказ? Ну, знаете, подальше от всяких сказов! Нам нужна современность! Понимаете? Современность, а не какие-то там посказульки из старины. Может быть, кой-что еще у меня напечатают, но это уж будет с оглядкой: надо ли? Под такой маркой ходить мало приятного, а сходить со своей тропинки и прокладывать новую мне уж не по года, да и жаль того, что подкапливал в своей жизни» [Там же: 365].

Однако после августовских публикаций Бажов все же корректирует свою точку зрения в письме к той же Л. Скорино, опять сославшись на ставший уже привычным прием: упоминание о своем возрасте. Это происходит, к примеру, в письме от 17 сентября 1946 г., в котором Бажов рассказывает о своей поездке в один колхоз, километров за 200 от Свердловска, где «побыл он три дня и обалдел от новых впечатлений. Срок, разумеется, мал, чтоб написать даже очерк, но вполне достаточен, чтоб лишний раз сказать о причинах нашего бесплодия на темы современности. Со всей очевидностью выступает, что, сидя за городским письменным столом и вращаясь в кругу себе подобных, мы абсолютно ни черта не знаем о жизни страны, хотя бы в таких простейших звеньях, как колхозы» [Там же: 403]. Заключает он письмо размышлением о своих годах, которые не позволяют ему в полной мере погрузиться в описание тем, посвященных современной социалистической действительности: «По секрету: темок в нашей советской действительности для всякого, кто не сидит, как пришитый к своей чернильнице, сверх головы. Даже мне, старому человеку, при случай-

ных выездах в нос бьет. А будь бы помоложе, годов хоть на десяток! А?» [Там же: 404].

Еще один аспект культурного мифа о «дедушке» Бажове связан в эпистолярных Бажова со взаимоотношениями Свердловска и Москвы: периферии и центра, наполненными определенным драматизмом в силу неприятия писателем многих аспектов московской «столичности». Эту «столичность» Бажов определяет следующим образом: «Золотые маковки, бездонные кармашки: все норовит себе забрать, ничего периферии» [Там же: 195]. В результате писатель, оказавшись в Москве, неизменно чувствует себя в высшей степени неуютно. Бажову с его «ограниченностью глубокого провинциала», как он иронизирует сам над собой, не нравится московская сутолока и чрезмерно быстрый темп жизни людей, «стремительно бегущих по кривым переулкам, толкающихся на переходах больших улиц и бесконечной сосиской вползающих в проходы метро, чтобы быть выброшенными веерообразно из другого метро» [Там же: 324]. В письмах писатель жалуется на излишние удобства гостиницы «Москва», где все «выютужено, проглажено и блестит» [Там же: 137]. Его почти пугает «громогласность» телефонисток в гостинице «Европа», так как у Бажова оказывается слишком «слабый» голос для разговора с этими «строгими женщинами» [Там же: 360].

Находясь в Москве по писательским делам или в качестве депутата Верховного Совета СССР, Бажов все время чувствует усталость, а в последние годы его жизни ни одна поездка в столицу не обходится без болезни, что опять-таки скрупулезно фиксируется в бажовских эпистолярных. Он пишет в письмах А. Суркову, В. Данилевскому, Д. Нагишкину в 1946 г.: «Москва тяжела для провинциалов моего возраста. Устаю я там гораздо скорей, чем дома, в условиях Свердловска» [Там же: 328]; «Везде у меня провалы, а в Москве и вовсе теряюсь» [Там же: 360]; «Правду говоря, в Москве я обычно так устаю, что не успеваю сделать и десятой части того, что предполагаю» [Там же: 421]. Московской сутолоке Бажов противопоставляет свое блаженное ничегонеделание, когда писатель, по его собственным словам, «в минуты передышек предпочитал просто курить, бездельничать, пить водку, даже пиво» [Там же: 360]. С 1948 г. поездки в Москву неизменно оказываются сопряженными у Бажова с болезнями, как это происходит во время поездки на сессию Верховного Совета в январе месяце этого года. Тогда Бажов заболел сразу же после приезда в Москву, так что, по его собственным словам, «готов был свалиться на пол под приветливыми словами: «Добро пожаловать, тов. Депутаты»» [Там же: 550]. В результате Бажову «пришлось чуть не все дорогое московское время истратить на лежание в номере гостиницы <...> Обиднее всего, что и потом, когда жена привезла меня домой, долго валялся в постели в состоянии полного безразличия ко всему» [Там же].

Последним аспектом функционирования мифа о «дедушке» Бажове становится быт и бытие Свердловского отделения Союза Советских писателей. Данной теме была посвящена богатая фактографическим материалом статья Андрея Комлева «Бажов и Свердловское отделение Союза советских писателей» [Комлев 2004]. Однако большинство текстов, на которые опирается автор, это воспоминания о Бажове, взятые из книги «Мастер. Мудрец. Сказочник». Они были написаны к столетнему юбилею писателя, поэтому на них лежит отпечаток ретроспективной уважительности. В этих воспоминаниях мы сталкиваемся с уже сформировавшимся культурным мифом о патриархе, который, несмотря на далеко не молодой возраст и открывшиеся болезни, мудро и дипломатично, буквально не повышая голоса, управляет писательской организацией Урала в тяжелые военные и послевоенные годы.

Однако именно письма с их изначальной установкой на синхронное отображение действительности могут наиболее достоверно передать механизм формирования мифа о «дедушке» Бажове, включая те чувства и настроения, с которыми писатель встречал вызовы времени, моделируя на себя образ «патриарха», «мудрого» дедушки Бажова.

В письмах к близким по духу людям Бажов позволяет себе признания, которые он объясняет своим «стариковским» возрастом. Так, в письме к Е. Пермяку от 7 августа 1946 г. (месяц выхода Постановления о журналах «Звезда» и «Ленинград») мы читаем: «Скулежное состояние переживаю» [Бажов 2018: 381]; «Ну и началось раскисление: хожу, как потерявший что-то очень важное, и ни черта не делаю, кроме писем по депутатским делам» [Там же: 382].

При этом Бажов в высшей степени дипломатично обходил вопросы политических репрессий, никогда не позволяя себе открыто критиковать и оспаривать постановления партии и правительства. В статье А. Комлева высказывалась мысль, что «лауреату и орденосцу» Бажову удавалось распространять свою весьма относительную «депутатскую неприкосновенность» на подответственную ему Свердловскую писательскую организацию [Комлев 2004]. В качестве примера этой «неприкосновенности» рассказывается о «спасении» Бэллы Дижур во время компании против космополитизма.

Однако еще за несколько лет до этого, в эпоху Постановления 1946 г., происходят события, которые наглядно демонстрируют механизм поведения Бажова-патриарха, Бажова «дедушки». Человека, умевшего «сохранить свое лицо» в условиях, когда, по словам Бэллы Дижур, «Свердловская писательская организация сочла нужным и в своих рядах вывить “зощенковщину” и “ахматовщину” [цит. по: Сендерова 2013: 216]. В качестве «фигур для битья» были назначены Нина Попова с ее рассказом «Встреча» и Бэлла Дижур со «Сказкой о стране Кензанто», опубликованной в «Уральском рабочем», и за которую, кстати, Дижур в свое время хвалили. Дижур вспоминает атмосферу после собрания: «И

вот мы с Ниной Аркадьевной спускаемся по широкой лестнице Дома литераторов как в безвоздушном пространстве. Кто-то поотстал, боязливо уступая нам дорогу, кто-то стремительно умчался вперед, не глядя в нашу сторону. А сзади, постукивая палочкой по ступеням, шагает Павел Петрович Бажов. Тоже один. На собрании он не произнес ни слова. Когда мы оказались около вешалки, он забрал у нас номерки, помог одеться и, обняв нас обеих за плечи, сказал: “Ничего, девушки, все проходит, и этой пройдет”. Мудрый был старичок» [Там же: 216-217]. В данном случае эта «стариковская» «мудрость» дедушки Бажова оказывается единственной возможной линией поведения в сложившейся ситуации. Кстати, в письме к Л. Скорино от 10 июня 1946 г. (еще до появления печально памятного Постановления!) Бажов подробно описывает «ужас» Свердловского отделения Союза писателей, обращаясь к повести Н. Поповой «Встреча», в которой конфликт двух мировоззрений, дореволюционного и революционного, давался с известной долей симпатии к мировоззрению «бывших». Этот «ужас» вылился в грубое «объярлычивание», из-за чего Бажову пришлось тащить на собрание коллектива секретаря по агитации и пропаганде, чтобы он, «выслушав преувеличенно отрицательную оценку, разъяснил, что творческие неудачи нельзя расценивать как нечто специально задуманное» [Бажов 2018: 362]. Тем не менее, заинтересованные лица отправляют протокол заседания в Правление Союза Писателей в Москве, откуда приходит «учительное» письмо. Бажов в письме очень осторожно говорит о повести, признавая наличие в ней «ложной основы»: «Дело это, впрочем, спорное. Может быть, и найдутся такие ловкие редакторы, кто сумеет так взвесить тонкости, что видно станет, где побеждающая сторона и в чем тени милого прошлого, которое все же покажется не очень плохим» [Там же]. Реакция Бажова на это происшествие в письме вполне однозначна: «У нас-таки порядком засмердело. Москва уже включается, слава богу. Если с таким же успехом это и дальше пойдет, то будет еще хуже» [Там же]. Кстати, Нина Попова, известная своей трилогией «Заре навстречу», после смерти Бажова возглавила Свердловское отделение Союза писателей СССР.

«Сотериологическая» мудрость Бажова «спасет» Дижур еще раз в 1949 г., когда начнется «борьба с космополитизмом», жертвами которой на этот раз должны были стать представители так называемой «местной антинародной группки писателей». В состав группы входили Юрий Хазанович, секретарь партийной организации Союза писателей, Иосиф Ликстанов, лауреат Сталинской премии, и Бэллы Дижур, в стихах которой обнаружили космополитические мотивы. Всем троим грозило исключение из Союза писателей. По воспоминаниям Дижур, «мудрый старик» Бажов занял выжидательную позицию, специально не возвращаясь из Москвы, чтобы не ставить своей подписи под документом, впоследствии охарактеризованным им как «позорный». Одна-

ко «спасения» бы не произошло, если бы Бажов только выступал в амплу «мудрого старца», а не задействовал все ресурсы по спасению свердловских «космополитов». Например, он отправил Дижур к А. А. Караваевой, председателю комиссии, ведающей областными писателями; Л. Скорино записала Дижур на прием к Константину Симонову и сама написала обширную рецензию на ее «патриотические» стихи. Тем не менее, Бажов в письме к А. М. Ступнику, сотруднику редакции журнала «Огонек», от 15 мая 1949 г. охарактеризовал произошедшую ситуацию как «мелкую возню» в «писательской среде», «пустяки», прикрывавшиеся «очень внушительным флагом борьбы с космополитами <...> Едва удалось доказать, что в наших условиях оказался не столько космополитизм, сколько завистничество и подсиживание» Там же: 599]. Таким образом, Бажов уже по сложившейся привычке переводит серьезную политическую проблему в план «бытовой», «семейной» грызни в писательском коллективе, выше которой он, как старый мудрый глава семейства, должен находиться, подавая пример своему ближнему окружению.

В данном случае культурный миф о «дедушке Бажове», условно, играл положительную роль, позволяя писателю в любых историко-политических и литературных перипетиях своего непростого времени, не только следовать архетипу «мудрого старца», но и по возможности защищать своим авторитетом окружающих его людей.

Поэтому не стоит удивляться тому, что в похоронах Бажова приняли участие сто тысяч уральцев. Поэтесса Л. Татьяничева так вспоминала скорбный для Урала день, 10 декабря 1950 г.: «Если бы не торжественные звуки шопеновского марша, не траур на знаменах, не скорбно сомкнутые уста людей, медленно идущих по мостовой, можно было бы подумать, что идет демонстрация. Так могуче было это народное шествие. Урал провожал в последний путь своего певца, своего замечательного сына» [Татьяничева 1978: 144]. Именно Татьяничева одной из первых употребила определение «певец Урала», обычно применяемое к Д. Н. Мамину-Сибиряку, по отношению к Бажову. С этого момента прошло уже 70 лет, но, в принципе, ничего не изменилось. Бажов, подобно Пушкину для России, продолжает оставаться для Урала «нашим всем».

Список источников и литературы

- Бажов 2018** – Павел Петрович Бажов. Письма. 1911–1950. Москва; Екатеринбург, 2018. 687 с.
- Бажова 1955** – Бажов П. П. Публицистика. Письма. Дневники / сост. В. А. Бажова и М. А. Батин. Свердловск, 1955. 272 с.
- Блажес 1982** – Блажес В. В. П. П. Бажов и рабочий фольклор. Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 1982. 104 с.

- Боголюбов 1951** – Боголюбов К. Наш Бажов (Воспоминания) // Южный Урал. Литературно-художественный альманах. № 5. Челябинск: Челябинское областное государственное издательство, 1951.
- Жердев 2019** – Бажов П. П. Малахитовая шкатулка: научное издание / ред. Д. В. Жердев, М. А. Литовская, Е. А. Федотова. Москва; Екатеринбург: Кабинетный ученый, 2019. 896 с.
- Комлев 2004** – Комлев А. Бажов и Свердловское отделение Союза советских писателей // Урал. 2004. № 1. С. 97-113.
- Сендерова 2013** – Сендерова И. «А у меня полнеба за окном...». К 110-летию со дня рождения Бэллы Дижур // Урал. 2013. № 7. С. 206-219.
- Соломеин 1978** – Соломеин П. Мудрый учитель // Мастер, Мудрец, Сказочник. Воспоминания о П. Бажове. М.: Советский писатель, 1978. С. 113-118.
- Татьяничева 1978** – Татьяничева Л. Слово о мастере несравненном // Мастер, Мудрец, Сказочник. Воспоминания о П. Бажове. М.: Советский писатель, 1978. С. 132-145.
- Пермяк 1978** – Пермяк Е. Долговекий мастер // Мастер, Мудрец, Сказочник. Воспоминания о П. Бажове. М.: Советский писатель, 1978. С. 146-189.

References

- Bazhov 2018** – Pavel Petrovich Bazhov. Pis'ma. 1911–1950. Moskva; Ekaterinburg, 2018. 687 s.
- Bazhova 1955** – Bazhov P. P. Publicistika. Pis'ma. Dnevniky / sost. V. A. Bazhova i M. A. Batin. Sverdlovsk, 1955. 272 s.
- Blazhes 1982** – Blazhes V. V. P. P. Bazhov i rabochij fol'klor. Ekaterinburg: Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta, 1982. 104 s.
- Bogolyubov 1951** – Bogolyubov K. Nash Bazhov (Vospominaniya) // Yuzhnyj Ural. Literaturno-hudozhestvennyj al'manah. № 5. Chelyabinsk: Chelyabinskoe oblastnoe gosudarstvennoe izdatel'stvo, 1951.
- Zherdev 2019** – Bazhov P. P. Malahitovaya shkatulka: nauchnoe izdanie / red. D. V. Zherdev, M. A. Litovskaya, E. A. Fedotova. Moskva; Ekaterinburg: Kabinetnyj uchenyj, 2019. 896 s.
- Komlev 2004** – Komlev A. Bazhov i Sverdlovskoe otdelenie Soyuza sovetskih pisatelej // Ural. 2004. № 1. S. 97-113.
- Senderova 2013** – Senderova I. «A u menya polneba za oknom...». K 110-letiyu so dnya rozhdeniya Belly Dizhur // Ural. 2013. № 7. S. 206-219.
- Solomein 1978** – Solomein P. Mudryj uchitel' // Master, Mudrec, Skazochnik. Vospominaniya o P. Bazhove. M.: Sovetskij pisatel', 1978. S. 113-118.
- Tat'yanicheva 1978** – Tat'yanicheva L. Slovo o mastere nesravnennom // Master, Mudrec, Skazochnik. Vospominaniya o P. Bazhove. M.: Sovetskij pisatel', 1978. S. 132-145.
- Permyak 1978** – Permyak E. Dolgovekij master // Master, Mudrec, Skazochnik. Vospominaniya o P. Bazhove. M.: Sovetskij pisatel', 1978. S. 146-189.